

Хуай Ши тоже порвал с ним все связи.

Не успел Пу Яочжи оправиться от потери Гун Чэня, как лишился и второго, последнего друга.

Оставшись в полном одиночестве, он застыл посреди двора — беспомощный и жалкий. Сотни глаз въедались в него со всех сторон. Ученики смотрели на него как на смердящий мусор.

В их глазах он был лишь жалкой ничтожностью, возмнившей, будто может подмазаться к высшему альфе вроде Гун Чэня. Альфы и омеги глядели на него с нескрываемым брезгливым отвращением, скривив губы в презрительных ухмылках. Но хуже всех оказались беты. Они считали, что Пу Яочжи опозорил их всех, и ярились сильнее прочих.

Никто не испытывал к нему ни капли сострадания. Воздух вокруг, казалось, сгустился от чистой, незамутнённой ненависти.

Первым не выдержал кто-то из бета-учеников. В Пу Яочжи полетела пластиковая бутылка из-под воды.

— Проваливай! Вон из школы, мразь!

— Из-за таких тварей, как ты, к нам, бетам, и относятся как к грязи! Тьфу! Дрянь!

— Низший бета каждый день плетется за высшим альфой... Совсем совесть потерял, ничтожество?!

— Бессовестный ублюдок!

За бутылкой последовал бытовой мусор. Затем — обрезки, огрызки и мелкие камни.

Спустя пару минут Пу Яочжи стоял, с ног до головы облепленный отбросами. На плечах и голове повисли грязные пакеты, одежду покрывали липкие подтёки. От него несло тошнотворной вонью, въедливой и густой.

Он действительно стал тем, кем его только что называли, — выброшенным на свалку мусором. Отвратительным, вызывающим всеобщее омерзение.

Впрочем, это был далеко не предел. Самое страшное ждало впереди.

Минут через десять перед ним возник высокий альфа. Морщась и брезгливо зажимая нос двумя пальцами, он процедил:

— Пу Яочжи, тебя вызывают в учебную часть. К заведующему.

Яочжи растерянно поднял глаза.

Внутри зашевелилось дурное предчувствие.

Облепленный грязью и источающий зловоние, он напоминал ходячую кучу отбросов. Под брезгливыми, полными отвращения взглядами учеников Яочжи поплелся к кабинету заведующего учебной частью первого года.

Остановившись у двери, он нерешительно постучал.

— Учитель... Это Пу Яочжи.

— Входи.

Он осторожно толкнул дверь и переступил порог.

За столами с мрачными лицами сидели заведующий учебной частью и его классный руководитель. Стоило им взглянуть на вошедшего, как оба поморщились и инстинктивно зажали носы.

— Что за вид? — с отвращением спросил заведующий.

На лице Пу Яочжи вспыхнула болезненная краска. Запнувшись, он промямлил:

— Это... меня...

— Ладно, избавь от подробностей, — раздражённо отмахнулся заведующий.

Яочжи послушно замолк.

— О том, что произошло во дворе, нам уже доложили, — сухо продолжил заведующий.

Яочжи вскинул голову. На миг в нём вспыхнула надежда: неужели его готовы выслушать?

— Заведующий, я...

— Молчать! — обрезал его начальник учебной части. — Пу Яочжи, не думал я, что скромный

бета способен на такую низость! Ты хоть понимаешь, что из-за твоих выходцев клан Гун потребует ответа от руководства школы?! Нам придется объяснять, как мы воспитываем учеников и почему выпускаем таких бессовестных дряней!

Яочжи онемел.

Классный руководитель, сидевший рядом, покачал головой и с досадой добавил:

— А ведь я считал его честным парнем. К тому же одноклассник Гун Чэнь поначалу не возражал, вот я и посадил их вместе. Кто ж знал, что за этой скромной личиной скрывается столь изощрённая тварь? Обвёл меня вокруг пальца! Впрочем, тут и моя вина. Следовало сразу учесть особый статус Гун Чэня... С чего бы нищему низшему бете набиваться в друзья к высшему альфе, если не ради собственной выгоды?

Заведующий желчно ухмыльнулся, окинув Яочжи презрительным взглядом от поношенных ботинок до засаленного воротника:

— Я заглянул в его личное дело. Семья бедствует. Да и откуда взяться деньгам у низшего беты? Оказавшись за одной партой с высшим альфой, наблюдая каждый день его дорогой шмот, этот мальчишка наверняка потерял голову от зависти и жадности. А может, он с самого первого дня замыслил подобраться к клану Гун.

Пу Яочжи стоял опустив голову, не в силах вымолвить ни слова.

— Твой поступок бесчеловечен и отвратителен, — ледяным тоном чеканил заведующий. — Школа не намерена терпеть подобную мразь в своих стенах. Руководство уже провело совещание. Решение единогласное: немедленное исключение. Без права на обжалование. Возвращайся в класс, собирай манатки. Даю тебе полчаса, чтобы ноги твоей здесь не было.

Яочжи вскинул безумевшие от шока глаза:

— Меня... исключили?

— А ты рассчитывал остаться после всего, что натворил?! — строжился классный руководитель. — Скажи спасибо, что мы не вызвали полицию прямо в кабинет! Школа проявила к тебе высшую степень милосердия!

Слёзы, которые Яочжи изо всех сил сдерживал, наконец брызнули из глаз. Он зарыдал — беспомощно, навзрыд:

— Заведующий, учитель... Пожалуйста! Я правда не знаю, как это вышло... Я ничего не подсыпал Гун Чэню! Никаких запрещённых препаратов!

Заведующий лишь презрительно фыркнул:

— Думаешь, мы поверим в этот детский лепет? Нашел дураков! «Я не знал», «это не я»... Вы, низшие беты, готовы на любую грязь, лишь бы выслужиться перед богатеями. Я за годы работы насмотрелся на таких пройдох! Избавь нас от своих слёз. Улики налицо, и отпираться бессмысленно. Ни у кого больше не было мотивов травить Гун Чэня.

Яочжи наивно цеплялся за последнюю соломинку, задыхаясь от слёз:

— Учитель... Заведующий... Я с таким трудом поступил сюда... Мама... она отдала все наши сбережения, чтобы оплатить учёбу! Неужели... неужели нельзя хотя бы оставить меня на условном сроке?

Оба педагога остались глухи к его мольбам.

Впрочем, упоминание матери заставило заведующего вспомнить об одной детали:

— Ах да, о твоём отчислении. Можешь не переживать, мы уже связались с твоей матерью. Она вот-вот будет здесь.

В голове у Яочжи мгновенно помутилось.

Мир вокруг померк, погрузившись в беспросветную, глухую тьму. Ноги подогнулись, и он едва не рухнул на паркет.

За что?..

Почему всё превратилось в этот кошмар?

Он ведь не трогал этот проклятый препарат! Он ни в чём не виноват! Почему ему никто не верит?..

Глядя на его раздавленный вид, классный руководитель сокрушённо качнул головой:

— И заставило же тебя лезть куда не просят... Был ведь обычным низшим бетой — так и сидел бы тихо, учился бы спокойно. Зачем было прыгать выше головы?

Заведующий, потеряв остатки терпения, рывкнул:

— Всё, проваливай! Не мозоль глаза.

Пу Яочжи, едва живой от горя, глухо прошептал:

— Да, учитель...

Еле переставляя ноги, он повернулся к выходу и протянул руку к дверной ручке.

Но не успел он коснуться дерева, как дверь резко распахнулась извне.

На пороге стояла его мать.

Увидев родное лицо, Яочжи не выдержал. Заливаясь слезами, он прерывисто выдохнул:

— Мама...

Он шагнул навстречу, собираясь выплеснуть всю свою боль, закричать, что его подставили, что он ни в чём не виноват... Но не успел произнести и слова.

Лицо матери пылало от ярости. Высоко вскинув руку, она со всего размаха влепила ему звонкую, оглушительную пощёчину.

Звонкий хлёсткий удар раздался на весь кабинет.

Мать вложила в этот удар всю свою силу, без капли жалости.

Яочжи отшатнулся, ошеломлённый. Он даже не сразу понял, что произошло. Гудящая голова раскалывалась, дрожащие пальцы прикоснулись к щеке.

Обожжённое место моментально налилось багровым румянцем и опухло.

Натиск брани обрушился на него раньше, чем утихла боль:

— Пу Яочжи! Я как тебе накануне говорила?! С кем велела дружить?! Только с бетами! А ты что мне обещал?! Мало того что врал мне за спиной, так ещё и сподобился на такую мерзость! Да ты... ты просто!..

Голос матери пересёкся от сжигавшего её гнева.

Яочжи стоял с застывшим, онемевшим лицом.

Он молчал.

Даже собственная мать не поверила ему. Ни единая душа в этом мире.

Так какой смысл оправдываться?

Видя его гробовое молчание, мать распалилась ещё сильнее. Вскинув руку, она влепила ему вторую, не менее жестокую пощёчину.

— Яочжи! — надрывно запричитала она, захлёбываясь слезами от обиды и позора. — Я-то думала, ты у меня послушный, честный мальчик! Пусть не самый умный, зато совестливый, маму бережёшь! А ты что в школе устроил?! Что ты сделал с одноклассником?! Как же ты меня подвёл!

Яочжи шевельнул бескровными губами. Глядя на убитую горем мать сквозь пелену слёз, он с трудом выталкивал из распухшего рта слово за словом:

— Мама... Прости меня... Я виноват.

<http://bllate.org/book/20413/2140328>